

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Моей бабушке М. Круподёровой

Мария Васильевна неспешно оделась: натянула спортивные брюки, ветхую блузу, достала калоши, повязала косынку. Дом начинал затихать. Миша бы очень ругался, увидь он её сейчас в “таких лохмотьях”. Но она всё рассчитала. Два года бессонницы дали ей достаточно времени, чтобы изучить ритм жизни соседей.

Программа “Время” давно закончилась, собачники возвращались с прогулок — значит, уже начало одиннадцатого. Виктор с третьего этажа вернётся не раньше часа. Его смена в автобусном парке до полуночи. Он единственный, кто может пройти мимо неё. Из “неспящих” есть ещё молодёжь. Они часто подолгу стоят у подъезда, шумно расходясь уже за полночь. Но, во-первых,

они отсюда то сверху и всегда ездят на лифте. А во-вторых, сегодня понедельник. Мария Васильевна давно заметила, что по понедельникам жильцы стараются поскорее прийти домой и больше не выходят. Устают. Подъезд засыпает раньше. Она потому и выбрала понедельник — первый понедельник каждого месяца. Вот, например, в пятницу она бы не рискнула. Подъезд бурлит, гудит, суетится. Всю ночь слышен топот. А зимой эти с верхних этажей вообще так и сидят на лестнице, курят, выпивают и всё болтают, болтают. Слышно даже через закрытую дверь.

Когда-то, ещё в первый год после переезда, она посоветовалась было с Мишей, не поговорить ли с ребятами, чтобы вели себя потише. Сын разгорячился:

— Это тебе не Гомель! Не надо здесь никого воспитывать! Ты понимаешь, что здесь так не делают?! — Потом заметил её растерянность и чуть мягче добавил: — Мам, я тебя прошу. Пожалуйста. У меня и так столько проблем. Не усложняй. Сидят они, лично тебе ведь спать не мешают?

— Да мне-то, Мишенька, не мешают. Я и днём могу прилечь, а остальным каково? У нас и с детьми семьи есть, а на первом этаже пара врачей. Им бывает с утра на дежурство. Я же только попросить хотела, чтобы потише...

— Мам, пожалуйста, заканчивай эти свои привычки. Вот ведь, зашёл на чай, а в итоге, как попугай, одно и то же тебе объясняю! По какому разу, а ты не слышишь!

— Мишенька, ты извини-извини! — всполошилась она. — Я не буду. Я тебя поняла. Ты поешь, отдохни, а я молча посижу. Извини меня.

Так и не поняв реакцию сына, она всё же на реплику поговорила с шумной компанией, хотя и была уверена, что нашла бы нужные слова. Всё-таки тридцать пять лет проработала в школе. Почётный гражданин города. Сколько было сложных ребят, непростых семей, но диалог всегда получался.

Она была строгим учителем. За принципиальность и активность директор продвигал её по партийной линии. “А разве можно было быть не принципиальной, — привычно заговорила она сама с собой. — История это не литература: двух мнений здесь быть не может. А история компартии в старших классах — тем более. Разве можно тут искать компромиссы? Так не патриотов вырастишь, а предателей. Их ведь, молодых, так легко запутать, так легко увести по ложному пути. Тогда нам, конечно, было проще. Учебники на всю страну одинаковые, программа утверждённая, идея единая. Была система, была логика. А вот как им преподают события 90-х? Ведь и не поймёшь. Раньше одна страна была. А сейчас, Миша говорит, каждый учитель может выбрать, какую точку зрения преподнести на уроках. Вот и хамят ребята педагогам, потому что чувствуют, что нет у старших единства, нет честных ответов, оттого и уважения у детей к старшим нет”.

Она зашла в кухню, по привычке взяла сухую тряпку и протёрла раковину. Подставила под кран пластиковую баночку из-под сметаны. Миша чинил кран в прошлом месяце, но тот снова подтекал, и за ночь раковина покрывалась бисером брызг. Вымытая посуда высохла. Она переложила приборы в шкаф, повесила влажное полотенце на батарею и огляделась в поисках чего-нибудь недоделанного. Всё чисто. Руки по привычке потянулись к радио. После треска раздалось знакомые речи “Политического обозрения”. “Тьфу, пропади вы пропадом. Одно и то же мусолят. Лучше бы Радзинского включили. А то вас, лодырей, каждый вечер слушать, а его только по субботам! Ведь какой умничка, как рассказывает... С голосом только не повезло”, — она вздохнула, сопереживая писклявому телеведущему.

Мария Васильевна подошла к окну. Со второго этажа проглядывался небольшой участок широкого проспекта. Ей нравилось вечерами смотреть на разноцветные огни автомобилей и яркие витрины. Ночами было красиво, хоть и шумно. А вот днём она старалась в окна не глядеть, особенно засушливым летом. Выцветший на ярком солнце пейзаж навевал уныние: серое шоссе, пыльные тротуары, измождённые жарой люди. Из окон не видно было ни одного дерева. А с прошлого года убрали и газоны. Миша был доволен: “Наконец парковки у вас нормальные сделали, а то, как ни приедешь,

один стресс, где бы во дворе прибиться!” Ей было тоскливо наблюдать, как последние зелёные лоскутки — единственные маяки лета, исчезают под серой гладью асфальта. Но если это облегчит сыну приезды в гости, то, что ж, она потерпит. Она потерпит.

В Гомеле вокруг её окон извивалась виноградная лоза. Летом тени от листьев кружились по кухонному столу, выписывая узоры, как в детском kaleidoscope. Её маленький огородик, плотно засаженный овощами и малиной, пестрел всеми оттенками зелёного. Летом приезжали внучки, и весь день проходил в готовке. Но когда она возилась у плиты, переворачивая к полднику ароматные пышки, или строчила девочкам кружевные выходные платица, она, и не глядя в окно, знала, какая картинка снаружи. Каждый куст, каждую вишню соседского огорода, лужайку с ребятихой, обрамлённую аккуратными сараями, яблоню у общей калитки. Она прожила здесь сорок лет. Они сами с мужем строили этот дом, как и другие пятнадцать семей. Строили долго, добротню, для себя, для детей, для внуков. Два этажа, два подъезда, погреба, огороды, сарай, закрывающие двор от посторонних глаз. Сорок лет ничего не менялось. Только деревья росли всё выше, да вьюн расплодился от крыши подъезда, укрывая тёмной зеленью весь фасад дома.

Когда она вышла из квартиры, в подъезде было темно и холодно. Отопление включали только в конце октября. У них в Гомеле в доме была газовая колонка. Тепло и горячая вода каждый день. После переезда сюда ей казалось странным снова мыться из таза летом, как в далёком довоенном детстве.

Из-за соседской двери доносились звуки сирены и стрельбы: сосед засел за сериал. Значит, уже одиннадцать. Она тихонько прикрыла дверь, не решаясь захлопнуть. В прошлый раз из-за перегоревшей лампочки она долго не могла попасть ключом в скважину. И чем дольше пыталась, тем сильнее переживала, что кто-то из соседей её увидит, а потом Мише скажут, и он снова будет ругаться, что она занимается не своим делом и позорит его своим видом. “А в каком, прикажешь, виде выходить? — рассуждала она, натягивая плотные резиновые перчатки. — И потом, ведь я всегда в чистом. А что не новое — так ведь и не на танцплощадку”. Она беззвучно переставила к лифту ведро с водой, развернула цветастый, вручную обмётанный лоскут ткани, бывший когда-то её домашним платьем, и беззвучно погрузила его в воду. Отжав тряпку, насколько хватило сил, она поднялась на один лестничный пролёт и принялась плавно, одну за другой, мыть ступени. Спустившись к площадке своего этажа, она прополоскала тряпку, с облегчением заметив, что грязи накопилось не так много. В прошлом месяце всю неделю до её “дежурства” город затапливали ливни, и воду пришлось дважды менять. А это время и силы: на улице вылить, подняться...

Сейчас было сухо. Дожди ушли, а снег пока ни разу не укрывал столицу. Да и пару недель назад к ним всё-таки заглянула уборщица — тучная женщина в грязной сине-оранжевой форменной куртке с обветренным лицом. Убирать должны были раз в месяц, но уборщица приходила, только когда Рая с первого этажа звонила с жалобами в ЖЭК. Мария Васильевна тоже хотела звонить в ЖЭК, но Миша, услышав это, заворчал: “Ну почему тебе всегда больше всех надо, мам?! Какая тебе разница, что там. Ты же не в подъезде живёшь, а в своей квартире. Придёт время — уберут. Только не вздумай сама мыть — я тебя знаю! Или тем более соседям предлагать — решат, что ты не в себе”.

Она и заикнуться не успела о своей идее, а Миша уже запретил! А ведь он и сам наверняка помнил, какой у них в доме был заведён порядок. Каждую неделю одна из квартир мыла оба этажа, график висел у входа. В подъезде всегда было чисто, никому и в голову не приходило плюнуть на лестнице или разрисовать стены. То были *свои*... Раньше ей казалось: *свои* — потому что ровесники, к труду в войну приучены, идеей одной или, воспитанием общим жили. А их дети уже по инерции включались в правила дома. Но переехав сюда, Мария Васильевна с удивлением обнаружила, что дело не в возрасте. Две старушки с первого этажа ни разу за пять лет не ответили на её “добрый день!”. Притом та самая громкая молодёжь здоровав-

лась, даже когда она просила их не курить в подъезде. Её сверстницы здесь жили поодиночке, ни с кем не общаясь, редко выбираясь из квартиры. Куда уж с ними было завести разговор о дежурстве. А к тем, что помоложе, она и сама с таким предложением не подошла бы: угрюмые по большей части, всегда торопятся, уставшие, раздражённые. Как и её Миша в последнее время. Совсем другим ведь был.

Пока она вспоминала сына, его шутки, приключения и первые разочарования, она и не заметила, как уже дважды вымыла всю лестничную клетку. Лёгкий запах соды почти выветрился. Она выпрямилась, кряхтя от боли в спине и ногах. Чисто...

Мария Васильевна сидела на кровати, массируя колени дрожащими руками. Всё было вымыто, выстирано, развешано. За стеной давно замолчал телевизор. Наверху сегодня никто не скандалил. Подъезд глубоко спал.

У входа послышались шаги, затем звуки кнопок домофона. Шаги устало зашаркали по ступеням, замерли перед вторым этажом...

Она улыбнулась, представив, как Виктор удивлённо смотрит на сияющую чистоту и осторожно, стараясь не наследить, пробирается по краю лестницы домой.

Виктор привычным жестом выгреб из почтового ящика все бумаги и начал разбирать письма. “Опять одни счета! Света белого от вас не видно!” — он раздражённо сплонул в коробку для листовок и поплёлся домой.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

— *Вставай, тварь такая!*

Господи, что случилось?

— *Я тебя, мразь, сейчас пришибу!*

На часах 8:05. Откуда доносится рёв — непонятно.

— *Школа, твою мать, через двадцать минут!*

Школа? Да вроде уже за плечами институт. Кошмарные воспоминания из детства? Вроде такого не было.

— *Ты у меня поспишь! Подняться она не может!*

Послышались сдавленные вопли. Открыв глаза и сообразив, наконец, откуда доносятся крики, Лиза облегчённо выдохнула. Недоумевая, она прошлёпала кухню:

— Мам, это что?

— Ты о чём? А, это? — подняла она глаза к потолку. — Это *артист* свою дочь будит в школу. Доброе утро!

— Да уж, доброе... И давно это у них так?

— Года три. Ты просто раньше в будни не приезжала. Как жена его сбегала, так и началось.

Вопли продолжались ещё минут пятнадцать. Конфликт, по-видимому, разрешился: в окно Лиза увидела вылетающую из подъезда растрёпанную девчонку лет тринадцати с расстёгнутым рюкзаком, на ходу натягивающую не по погоде лёгкую куртку. Со второго этажа её лица было не разглядеть.

Когда Лиза была маленькая, сверху часто раздавались ритмичные постукивания. Мама говорила, что сосед “бьёт чечётку”. А теперь, похоже, бьёт он свою дочь. Хотя через пару лет она вернёт ему всё сполна. Раньше Лиза и не видела девочку. На улице своего ребёнка соседи не выводили, но, судя по грохочущим перекатам, разрезали покатысь дома на роликах. Однажды Лиза заметила в законном пейзаже метаморфозу: крепкий старый каштан побелел. Но не воздушные свечки соцветий украсили его: сверху на ветки плавно приземлялись серпантинки туалетной бумаги. Развлекалась соседская дочка. И ведь тогда на неё никто не накричал...

Ещё часто ночами Лиза слышала вальсы и симфонии. Всё тот же сосед включал классику не очень громко часа в три ночи, полагая, что все уже спят и не проснутся. Музыкальный мужик... Она отхлебнула горячего чая, размышляя, как странно меняются люди. Может, артисты, особенно неудачники, склонны к депротизму? Сами живут под диктовку режиссёров, продюсеров

и всяческих выжиб, вот и требуется компенсация. Не улучшает характер и бытовая неустроенность — гастролы по райцентрам, нетопленные ДК, гостиничные номера на пять коек, больше смахивающие на обшарпанные комнаты общаги...

Хотя этот ещё ничего — сосед сбоку включал музыку днём, да погромче. Даже с годами Лиза так и не научилась понимать, что это: рок, металл или какая-то другая самодеятельность. Отвратительный гортанный рёв был одобрен хаотически размазанными воплями электрогитар и рассыпающимися барабанными дробями. Вживую этого странного типа она видела не чаще, чем соседскую дочку сверху, но его музыку слышала даже через беруши. Безуспешно попытвет над "домашкой" под ядерный аккомпанемент, Лиза с детской вспыльчивостью усаживалась за пианино и изо всей мочи вбивала в клавиши бетховенского "Сурка". Сосед должен был испытать на себе всю тяжесть музыкальной мести!

— А рокера нашего что-то не слышно? — она поглощала завтрак, разглядывая унылое утреннее небо.

— Похоронили его летом. Утонул пьяным, царствие небесное. — Мама перекрестилась. — Ещё сырников подогреть?

— Судя по его музыкальным вкусам, подземное царство ему было ближе. Да, ещё бы парочку навернула.

— Лиза, ну что за богохульство!

— Да ладно, может, он вообще неверующий был. Да и какая ему теперь разница — вред ли обидится.

— Лиза!

— Да, мамуль? Слушаю тебя. Очень вкусные сырники, пасибки.

— На здоровье. Ты всё-таки в родительском доме. Можно как-то без чёрного юмора?

— А без юмора в нашем доме никуда, ты же понимаешь. Ладно, пойду шкаф, что ль, разберу, пока время есть.

— Батюшки, что творится! С чего бы это?

— Кхм, я ведь и передумать могу... — она ехидно улыбнулась и пошла, напевая, в комнату.

Дом просыпался. Натужно гудели водопроводные трубы, нетерпеливо скользили стулья, шёлкали дверные замки, неуклюже топали лестничные пролёты. Сонный лифт лениво карабкался вверх, чтобы, замерев на мгновение, выдохнуть вниз.

Ей захотелось посмотреть на этот поток жизни, выплывающий из подъезда. Она забралась на подоконник, сложила по-турецки ноги и оглядела "сцену". Дворник ритмично почесывал дорожку корявой метлой. Торопливые офисники загружали обрюзгие телеса в машины, ругаясь на узкие проезды. Раздражённая мамочка, собрав остатки выдержки, уговаривала плетущегося рядом недоспавшего малыша.

Двор терпеливо ждал, пока его жильцы отыграют привычные роли и разбегутся, оставив его наслаждаться антрактом до полудня. Жизнь будет кипеть где-то там, на проспекте, а здесь... тишина... до второго действия, в котором вернутся школьники, закопошатся по углам площадки, заполнят смехом подъездные пролёты. Домохозяйшки выплывут с собачонками размером с ладонь. После обеда выползут и мирные пьянчуги посидеть у площадки. В это время они ещё трезвые, выходят пообщаться. Двор снова оживёт. И будет услужливо предоставлять свои подмостки до самой ночи.

Кстати, о пьяницах. В последние годы их почти не видать. Один только и остался местный псих с шестого этажа, сам с собой ругается, уже с утра закупившись алкоголем.

А когда Лиза была маленькая, в пресловутые девяностые никому не было дело до пьящих. Она вспомнила весёлого кукловода из соседнего подъезда. Он иногда приходил к ним в детский сад со своими смешными номерами. А по ночам, хорошенько выпив, декламировал целые поэмы, прохаживаясь вдоль двора. Читал с выражением, громко. Никто его не гонял, не кричал с раздражением из окон. Принимая игру, жильцы припоминали строчки и старались проговорить их раньше хмельного чтеца.

Однажды они пошли с мамой в детский сад, а у соседнего подъезда стоял гроб. Лиза первый раз вживую увидела гроб. В нём лежал кукольник. Сморщенная бабулька сидела рядом на табуретке, поправляя венок. Кукольник был такой нарядный и чистый, лицо его было без щетины, заметно моложе, и улыбалось. Лизе показалось, что он был очень добрым в тот момент. Даже захотелось подойти поближе, но мама резко ускорила шаг, перекрестившись. Потом мама несколько раз переспрашивала Лизу, не плохо ли ей, не испугалась ли она. А чего было бояться — он вон какой лежал радостный. Ещё мама как-то сбивчиво и не очень понятно рассказала, что так обычно делают в деревнях: выставляют гроб, чтобы соседи могли проститься. Лиза не поняла, почему только в деревнях, но спрашивать не стала: уж очень мама торопилась и как будто сердилась.

Лиза сидела на подоконнике, перебирая детские воспоминания. Откуда-то издали послышалась неуверенная мелодия. Спотыкаясь, она никак не могла разлиться вволю. Лиза замерла, прислушиваясь, пытаясь определить, что это. Слабые звуки долетали едва-едва. Видимо, детские ручонки выводили снова и снова воздушную польку. Это была флейта. Волшебная городская дудочка.

НА ПОСЛЕДНЕМ

Ковёр бы выкинуть давно... Сколько раз бабушке говорил... Да теперь уж ладно, пусть сама решает. Они наверняка будут рады его новости. Бабушка столько лет спала в кухне, а теперь наконец сможет спокойно вздохнуть. Только отчего ж так тоскливо?

Ему хотелось пройти по комнате, как в американских фильмах, когда герой прощается с домом, медленно шагая по пустым коридорам, прикасаясь к знакомым стенам... Но весь проход между его разложенным диваном, громоздким письменным столом и шифоньером преодолевался за три неуклюжих шага.

Диван... Когда-то очень дорогой, чешский, пахнувший новизной, доставшийся дедушке каким-то неимоверными усилиями. Теперь, с вытертой красной вельветовой обивкой и выползающим из всех щелей поролоном, он представлял собой унылое зрелище. Никита твёрдо решил, что уговорит Настю купить кровать. Неважно, что квартира будет съёмная. О кровати он мечтал всегда: всю жизнь спал с ощущением, будто это временное место. Этот ритуал, каждый вечер раскладывать и утром снова складывать диван — он напоминал поездку в поезде: скатать матрас, сдать белье... Наверное, как и у всех малышей, у него была когда-то маленькая кроватка. Но сколько он себя помнил, этот диван был неизменным и таким недвижимым, он как будто врос в комнату, со временем даже отказавшись складываться.

Он уговорит Настю, хоть они уже и поссорились из-за кровати. У неё же куча идей, как заполнить пространство, создать “уют”. А ему нужно так мало. Ей придется уступить. Теперь он будет решать. Так должно быть. Он мужчина.

Никита заметил, что стучит пальцами по запылённой коробке. Компьютер... За четыре месяца он так и не нашёл время, чтобы подключить отчимую ноутбук. А ведь тот пару разу спрашивал, а потом, видимо, застеснялся. Стало стыдно и совсем тоскливо. Он вспомнил, как они ездили в магазин. Мама, конечно, тоже поехала, такие покупки всегда выбирали вместе, готовясь и обсуждая уже за неделю, а то и две. Никита ощущал на себе сочувствующие взгляды продавцов и злился, когда молодой высокомерный парень демонстративно игнорировал чудаковатую пару и обращался с предложениями только к Никите. А мать с отчимом, как дети, подходили к каждой модели, трогали, читали вслух описание и рекламные брошюры. Им было важно выбрать самим. И Никита молча ждал, не отвечая продавцу.

Когда-то он стеснялся ходить с мамой в магазин: смущала её болтливость, наивные вопросы, привычка разговаривать с незнакомцами. Продавщицы обычно бывали вежливыми, но ему это казалось лживым. Мать не по-

нимала детского смущения, но на помощь часто приходила бабушка: она находила маме дела по дому, а в магазин с внуком ходила сама.

А потом появился отчим. Точнее, сначала он был просто Славик. Смешной, застенчивый, немного заикающийся. Познакомились с мамой в социальном центре на занятиях. У них оказались одинаковые диагнозы, и они радовались этому так искренне, как будто не сниженный интеллект, а особый мир связывал их.

Никита помнил, как Славик приходил в гости и всё говорил, говорил, больше мамы, но при этом постоянно краснея. Никите было лет тринадцать, жизнь кипела, и он не заметил, как Славик стал частым гостем, болтал какую-то ерунду про свадьбу. В “детскую” Славик не входил, иногда подолгу смущённо топчась на пороге. А Никита забавлялся, зная, что тот ждёт, что его окликнут, а нет, так и будет стоять, хоть полдня.

Однажды вечером Никита вошел в подъезд и услышал шорохи под лестницей. Привычное дело: там часто болтались ребята или курили семейные мужики. Он уже начал подниматься к лифту, но что-то знакомое уловил в шёпote. Он резко повернулся и заметил мамино пальто.

— Ты чего тут?! — крикнул он.

— Привет, Никит! — мать по-доброму улыбнулась, шагнув к лестнице. Только сейчас он увидел в её руках розу в дешёвом целлофане. — А мы тут со Славой болтаем, — за маминой спиной перетаптывался Славик. Лица не было видно, но Никита и так мог представить его обычное выражение недовольства.

— Совсем сдурели?! — Никита и сам вздрогнул от своего крика. Возмущение, гнев, стыд — всё слилось воедино. — Кухни вам не хватает?! На весь дом позориться решили! — перед глазами замелькали картинки, как соседи, поднимаясь к лифту, вежливо отводили глаза. Как мать по своей привычке наверняка с каждым заговаривала. Воображение мгновенно надумало о всеобщем смехе, сплетнях и перешёптываниях. Стыд навалился на него, такой огромный и невыносимый, что он впервые заорал на мать, не думая, что кто-то может войти в подъезд. А они стояли растерянные, смущённые, непонимающие. Потом он ухватил мать под руку и потащил к лифту, рывком Славику, чтобы валил, пока жив. Тот так и замер внизу, пугливо прижимая мамину сумку.

Никита не помнил, что он орал маме, не помнил, что пытался прокричать бабушке. Он нарочито громко хлопал дверьми в квартире, что-то рвал, выкидывал в окно, потом со злобой тщетно пытался прилепить самодельный крючок, чтобы запереться в комнате, хотя к нему и так никто не заходил. Он проснулся за полночь. Заглянул в спальню — бабушка спала. В комнате пахло валерьянкой. Из ванной слышалось журчание. Он открыл дверь. Там была мама. Она сидела на краю ванной и плакала... Его мама, простоватая (“Уж лучше бы молчала”, — случалось, сердился Никита), но улыбка и светлая, никогда не плакала. Или просто он никогда не видел... Что бы ни происходило, она не унывала: улыбалась восторженно или задумчиво, сочувственно или с сожалением, но улыбалась.

Он растерялся, не зная, что делать. А мама сжимала в пальцах сломавшуюся подвядшую розу и плакала.

Даже сейчас, вспоминая ту сцену, ему было всё так же горько. И вроде всё потом наладилось, со временем он привык к Славику; никто не вспоминал ту вспышку ярости... Но отвратительное щемящее ощущение в горле иногда накатывало. Вот и сейчас он некстати вспомнил этот случай, хотя и так было паршиво. Он знал, как родителям хотелось свой ноутбук, как им важно было “не отставать от прогресса”... Теперь обязательно надо успеть подключить. Только где же выкроить время. Переезд, работа, Настя... Но без него точно не справятся.

— Никит! — в дверь постучали.

— Да, бабуль, чего?

— Никитушка, обед готов. Ты поешь или подождём маму? Они уже вот-вот должны прийти, — бабушка приоткрыла дверь. — А ты чего такой? У тебя всё в порядке? Бледный какой-то — не заболел? — она дотянулась до его лба. — Вроде прохладный. Работаешь ты много, совсем зелёный стал.

— Да не, всё нормально, ба. Я подожду, вместе поедем. — Ему хотелось оттянуть момент разговора, ещё какое-то время не слышать их вопросов, не видеть их лиц... — Мусор есть? Выйду, подышу.

Никита вышел на лестничную площадку. Удивительно чисто. Только паутинки у потолка ещё с лета. Последний, девятый этаж, чужие сюда не забирались. Он оглядывал знакомые стены, перила, с выцарапанным им самим лет в десять “Цой жив”. Он тогда и не знал, кто это. Просто видел везде надписи и повторил.

Сколько времени он проводил здесь, откладывая моменты возвращения домой, когда нёс из школы очередную двойку или весть о пропаже сменки, когда прятал в портфель трофейный, честно выигранный арбалет, который бабушка заставила потом отдать обратно. Он стоял и по детской привычке ковырял ботинком скол плитки у ступеньки. Возле соседней 143-й квартиры узор из уродливых коричневых квадратиков сбивался. Не хватило, видать, цветной плитки и всё залепили белой. В детстве он был уверен, что там, под этим белым куском находится лаз. Настоящий, секретный. Только нужно встать на нужное место, чтобы он открылся. Он улыбнулся, вспоминая, как пытался “нажать” правой ногой на свой коврик, а левой на соседский — это и была тайная схема. Потом старуха-соседка жаловалась бабушке: “Никита-то ваш об мой коврик ноги вытирает, чтобы ваш не пачкать”. А он стоял, вдавливая подбородок в грудь, готовый взять на себя любую вину, но не выдать догадку о потайном лазе. Да и отпираться было глупо — на цветастом коврике развалились фигурные кусочки мартовской грязи с его ботинок.

Лифт поднимался, приближая знакомые голоса. Через пару мгновений двери открылись:

— Никита, привет! А ты чего так рано? — мама поцеловала его в щеку.

— П-п-привет, Ни-и-кит, — отчим протянул красную от холода руку.

— Привет! Да поговорить хотел. Мы с Настей собираемся жить вместе. — Он выпалил это так быстро, что сам не понял, как проговорился. Но в тот же момент стало удивительно легко, как в детстве, когда приходил с плохими новостями, а дома сидели гости, и никто уже ругаться не мог.

— Вот это новость! — мама засияла. — Здорово, Настенька хорошая такая!

— Поз-здр-здравляю! — Славик снова протянул руку.

— Да, спасибо, пока не с чем особо, — Никита был смущён их реакцией и досадовал на себя, что так долго тянул с новостью.

— А бабушке говорил? — мама звонила в дверь, неотрывно глядя на Никиту и улыбаясь.

— Не успел ещё, вас ждал.

Бабушка открыла, они зашли в коридор.

— Mam, Никита-то наш женится! — выпалила мама.

— Этого я, между прочим, не говорил. — Никита улыбнулся маминой прямоте.

— Да ладно уж, понятное дело! — мама подмигнула ему. — Настя к нам переезжает, будем все вместе!

Повисло молчание. Бабушка удивлённо взглянула на Никиту, который растерялся от маминых слов. Славик стоял у двери, не решаясь пройти дальше, пока все столпились на проходе.

— Это правда, Никитушка? — бабушка прижала руки и расплылась в улыбке. — Ты мой дорогой! А я смотрю: чего такой с утра? Что ж не сказал, думал, родная бабушка не поймёт? Да мы все так любим Настю! Давно пора. А то живёт с подружкой на съёмной квартире, и ей житья нет, и ты, бедный, выдохся туда вечерами ездить. А тут и дом, и все свои, и на всём готовом.

Никита стоял, не зная, как лучше продолжить разговор.

— Да это ещё не решено. Может, мы обедать пойдём? — ему было неловко стоять под общими взглядами и улыбками, осознавая, что придется их разочаровать.

— Конечно, идём! — мама сняла пальто и пошла мыть руки. Славик продвинулся вперёд и начал старательно пыхтеть над шнурами.

— Это ещё не точно, бабуль. Своё жильё всё-таки хочется... Может, мы одни...

— Конечно, своё лучше. Эта-то квартира твоя. И комната у вас своя будет. Мы маму со Славиком в “детскую” переселим, а вас в спальню. Кровать купим или диван раскладной? Хотя места там много, чего вам на диване мучиться.

— Да я не знаю, ба, — Никита совсем растерялся, уже не понимая, где его мысли, где Настины, где бабушкины... — Может, снимать лучше...

— Да чем же это лучше?! Сам сказал: своё жильё хочется. Настя что ли хочет?

— Вроде того, — ему снова стало стыдно за враньё, но сказать по-другому не получилось. С другой стороны, это и правда была Настина идея. Как и сейчас с бабушкой, так и месяц назад в разговоре с Настей он и не заметил, как предложил ей жить вместе. Она что-то говорила про цветовые сочетания в доме, он как-то невнятно пошутил... и тут она вдруг расплакалась, что ему на неё плевать, он и не любит её вовсе, раз за два года не предложил жить вместе... Ни с чего как давай рыдать. Он и предложил. Потом они сразу помирились, и он удивлялся, почему раньше сам не додумался, ведь это так просто и логично — жить со своей девушкой вместе... — Мы пока ещё не решили, бабуль. Снимать квартиру сейчас легко, можно найти недорого и к работе поближе.

— Ох, натаскались мы с дедом по казармам и съёмным квартирам! И уж бывало и комната хорошая, и соседи замечательные, и жили дружно... но ничего не сравнится со своим жильём. Здесь каждый угол твой. Тепло хранит, воспоминания, и всё здесь так, как хочется именно тебе. А в съёмной квартире каждый шаг обдумай, даже стены пахнут чем-то чужим, лишний раз гвоздь не прибьёшь — разрешение спрашивать нужно. А ведь это, Никитушка, очень важно, когда можешь сам решать. А что Настя хочет, так ей так и так вдали от своих жить. Но она просто пока не понимает: на тебя и приготовить, и постирать, и погладить, а она сама работает и учится вечерами. Когда всё успевать будет? Вот и начнётся у вас ругань. А тут ещё и квартира съёмная.

— Ну, это мы ещё не решили. Мы пока обсуждаем...

— А чего обсуждать, если здесь твой дом. Всё-таки мужчина должен решать, а ей придётся и уступать иногда. Так она и строится — семья-то. — Бабушка принесла маме полотенце. — Ну, пойдёмте обедать! Теперь столько всего надо обдумать! Славик, что ты всё мнёшься у двери, разделся, так иди за стол.

Славик неуклюже протиснулся за женщинами на кухню. Никита рассеянно захлопнул входную дверь и осмотрелся. Из его комнаты выглядывал край дивана с уютно свисающим пледом. Он остановился на пороге, пытаясь понять, что теперь делать.

БЛИЗНЕЦ

— Пошёл на хрен! Я тебя с лестницы спущу!

— Мы на улице, дурень!

— Вон, я сказал!

— Олечка-сыроежка! Ты же знаешь, ничего ты мне не сделаешь. Мы ж родные люди.

— Вот и сделаю, урод! Я тебя... — Олег замахнулся огромным разбухшим кулаком. Спешащая навстречу девушка, пискнув, метнулась к дороге.

— Чего людей пугаешь, болван? Ой, ты глянь, как вылупилась на тебя — вот удора! — он начал гоготать во всё горло, тыча пальцем в прохожую. — Ща глаза вывалятся от ужаса!

— Большой! — бросила девушка и засеменила на звонких каблуках по другой дорожке.

— Как она тебя, а? Получил?

— Пошёл к черту! — злобно прошипел Олег.

— А чего ждать? Давай прямо сейчас? Как мужики! Ну же, давай! — он начал махать кулаками перед носом у Олега, ехидно посмеиваясь.

Олег старался не поднимать головы, он шёл знакомым маршрутом, периодически громко сплёвывая под ноги. Перед глазами мелькали грязные лужи, прилипшие жвачки, сморщенные окурки.

— Пройдёмся по двору? Вон спиногрызы орут — давай распугаем! — он состроил уродливую гримасу. — Ну давай, весело будет! Помнишь, как в прошлый раз они разбежались по домам, как только мы подошли к площадке? А мамашки, мамашки-то! Своих слюнявых кривоножек подхватили и давай в коляски сажать! А те орут, не поймут, что такое!

Олег повернул за угол дома и двинулся к проспекту, прочь от воспоминаний о площадке.

— Стой! Ты куда? Эй!

— Сам знаешь!

— В магазин?! Опять за старое! Давай лучше погуляем! Пожалуйста, я буду хорошо себя вести! А в магазине сейчас народу — туча! Все будут на тебя пялиться, а ты боишься!

— Ни хрена я не боюсь!

— Оле-е-ежка, я ведь по-хорошему прошу: не ходи в магазин. Я ж не отстану. Помнишь, как в прошлом месяце тебя охранники вытолкали? И милицией угрожали.

— Я те покажу! Только попробуй! Измочалю! — Олег не удержался и пнул ногой куда-то в воздух. Группа соседских мужиков, пьющих у гаража, покосились на него и отвернулись.

— Мазила! — звонкий смешок забулькал истерическими переливами. — И не стыдно тебе так с родным братом! Тем более, я тебя младше!

Олег остановился у дверей магазина в нерешительности. Народ бесконечным потоком заходил внутрь, периодически задевая его. Безразличные толчки напомнили ему о метро. Голова начала кружиться, а подступающая тошнота уже заполняла горло. В метро он не был уже несколько лет. В последний раз пришлось выйти на остановку раньше, когда он заметил, что очкастая тётка начала нажимать кнопку связи с машинистом, косясь на него. И весь вагон смотрел, кучкуясь у выходов.

— Ну зачем тебе пить? Ты матери обещал бросить, — услышал Олег въедливый голос. Матери он, конечно, обещал, но она давно не верит. Навещает раз в неделю, приносит частями его пособие по инвалидности. Боится, что пропьёт сразу. Она не понимает. Не понимает, что не пить уже нельзя.

— Отвали, тогда и брошу!

— Родной мой, я тебя не оставлю. Мы ж близнецы! — ехидная улыбка озаряла его лицо.

— Оставишь, урод! Сам знаешь! — Олег заметил любопытные взгляды. Злость, смешиваясь со страхом подкатывала, грозя разразиться новым приступом.

Он развернулся и помчался к светофору. Обратный отсчёт зелёного света торапливал. Вот и осталось два шага до серой палатки. Знакомый армянин скачущие смотрел из окошка.

— Две. Большие. Как обычно, — руки Олега судорожно выудили из карманов мятые купюры. Армянин неспешно исчез в глубине. Брат стоял, злобно скалясь.

Армянин вынырнул, поставив на прилавок две двухлитровые пластиковые бутылки. Не дожидаясь, пока продавец пересчитает деньги, Олег трясущимися руками отвинтил крышку и жадно приклеился к горлышку. Тёплое пиво пенилось, ускользая струйками по его щетинистому подбородку.

Армянин брезгливо наблюдал:

— Может, заесть возьмёшь? Хлеба возьмёшь?

Олег залпом выпил половину бутылки, громко выматерился от облегчения и посмотрел по сторонам.

— Ну что, урод, свалил?! Вали-вали, пока цел! — прокричал он куда-то вверх.

Армянин, качая головой, поспешил закрыть окно палатки. Олег озирался, скалясь гнилой улыбкой. Брата не было. Он пихнул в полуоторванный карман непечатую бутылку, а вторую крепко прижал к себе: пробка куда-то улетела.

Добравшись до подъезда, он взглянул на детскую площадку. Та гудела, смеялась, жила воскресной жизнью. Ему захотелось швырнуть туда бутылкой, чтобы всё вмиг утихло. Отвратительный детский визг эхом отдавался в голове. Несчастный случай... Он бы давно забыл, если б не они... Если б не их мерзкий крик. Он залпом влил в себя остатки пива, вторую бутылку он выпьет дома. А когда протрезвеет, уже настанет вечер, и они замолчат, тогда можно будет и ночь как-нибудь протянуть.

Поднявшись к квартире, заплывшая лестницу, он завистливо замер возле соседской двери. Как бы хотел он жить в той квартире. Пусть и в однушке, но с окнами на проспект. Что угодно, лишь бы не слышать детский крик! Прошло уже больше двадцати лет, а эти звуки всё не смолкали. Если бы не этот крик тогда, он бы услышал и успел на помощь. Он бы спас брата. Он бы успел... Не он, так кто-то другой. Если б только кто-то услышал...

В квартире ему на миг привиделось, что брат тут. Он не сразу сообразил, что смотрит на своё отражение в зеркале. Они были абсолютно одинаковыми. Только шрам, который брат схлопотал в шесть лет, прыгая с крыши гаража, только эта маленькая полоска возле рта отличала их. Брат всегда был неутомонным, стремительным, всё нёсся куда-то. Мать шутила, что если б первым в родах шёл брат, то не понадобилось бы кесарево сечение. Это Олег никак не хотел рождаться. Он всегда тормозил. Он и тогда не пошёл с братом к люкам. Струсил. Если бы пошёл, ничего бы не случилось. А он остался на площадке и ничего не услышал из-за неутомонного детского крика.

Олег стянул грязные ботинки и доплёлся до окна. Он прислонил к стеклу фанерную доску, недавно найденную на мойке, притащил с дивана старые подушки и плед, поплотнее завалил подоконник и задёрнул шторы. В комнате стало тише. Сейчас ему плевать, но когда он начнёт трезветь, крики заполнят квартиру, с издёвкой разлетаясь эхом по углам. И тогда брат вернётся. Сядет напротив и уставится брезгливо и жалостливо. А Олегу нечего будет сказать. Он и сам себя ненавидит. Он уродлив и убог в своём отражении. Брат выглядит лучше. Он выглядит так, как Олег лет пятнадцать назад, когда лекарства ещё помогали. Интересно, если бы они не были близнецами, в каком бы облике приходил его брат? Тем десятилетним пацаном? Ведь фантазия не смогла бы додумать, каким бы он вырос, останься в живых. Но судьба посмеялась. Олег видел брата в своём отражении, знал все его черты.

Когда-то ему очень хорошо подобрали таблетки, и брат не приходил лет семь или восемь. Олег жил почти как нормальный подросток. Даже школу окончил на домашнем обучении. Он мог выходить на улицу один, только обходил стороной детские площадки. Теперь все эти психиатры нужны были лишь для продления инвалидности. Их лекарства больше не действуют. Брат уходит только тогда, когда Олег пьян. Он объяснял это безмозглывм врачам на комиссии в психдиспансере. Они только качали головой и утешали мать.

Олег включил погромче телевизор, нашёл какой-то ужастик и безразлично уставился в экран. Ему бы только рассчитать вторую бутылку так, чтобы не протрезветь до вечера. А там и ночь.

ОДИННАДЦАТЬ ПЛАТЬЕВ

Рая провернула ключом, и дверцы старого дубового шкафа, слегка хрустнув от ветхости, отворились.

— Ты мой хороший. Что, разохся совсем? Э-эх, моложе меня, а вон как кряхтишь — не стыдно? Сейчас мы тебя проветрим, протрём и смажем. Ты ещё поживешь, мой дорогой, послужишь. Вон, какой гладкий, — она ласково провела рукой по прохладной полированной поверхности.

Из шкафа пахло мандариновыми корочками, разложенными с осени от моли. Каждый год 31 декабря Рая разбирала весь шкаф, тщательно перетряхивая бельё, протирая каждую полку и вешалку, просматривая каждую вещь на предмет дырочек. Так делали ее бабушка и мама. Так могли бы делать ее дети.

Прямо перед ней рядком висели, отгороженные от других несколько платьев. Когда отцу дали эту квартиру, Рае было двенадцать лет. Они переехали

в ноябре, в середине учебного года. У неё не получалось привыкнуть к новой школе, друзей не нашлось, а из-за высокого роста ей всё время хотелось куда-нибудь спрятаться. Родные понимали, как Рае тяжело, но отложить переезд было нельзя, а ездить на другой конец города в старую школу оказалось слишком долго. Как-то под Новый год, увидев в очередной раз её слезы, отец открыл шифоньер и достал большой сверток в грубой серой бумаге, перевязанный бечёвкой:

— Держи, Раечка. Это тебе для поднятия боевого духа!

Отец и раньше старался побаловать её, как младшую, но подарок такого размера бывал только на день рождения! Она с предвкушением развязала бантик и развернула бумагу: новенькое бирюзовое шифоновое платье пахло счастьем. От восторга она не могла вымолвить ни слова. Такой красоты не было не только в мамином гардеробе, но и вообще не встречалось ни у кого из ее знакомых! Рае бросилась целовать отца. На радостный визг из кухни пришла мама и с деланной сердитостью заворчала:

— Ты посмотри на него: не мог подождать две недели до праздника!

Рае танцевала в обнимку с платьем. Плиссированная юбочка кружилась каруселью. Ощущение волшебства переполняло до слёз.

— Надевай, Раечка, конечно, надевай! — улыбнулась мама. — Когда ещё отец такую красоту достать сможет.

— Вот они, женщины! Только одно платье подарил, так они уже о новом рассуждают!

— Да что ты, папулечка! Ты можешь мне долго-долго ничего не покупать! Спасибо тебе, преспасибо!!!

— Долго-долго — это, конечно, хорошо, но не обязательно. Руки-ноги есть, а трудящемуся человеку в нашей стране всегда работа найдется. Будут тебе ещё платья!

— Ну-ну, наобещаешь ещё дочери! А у нас из мебели один шифоньер!

— Вот и наш казначей вмешался! — папа с улыбкой приобнял мать. — Я и не говорю, что каждый год. Всё кушим, всё будет. А раз в пятилетку я обещаю моей дочери самое красивое платье. Уж если они там на всю страну могут планировать, то на своих девочек и я смогу.

Платья действительно хватило на “долго-долго”. Оно было длиннее на целую ладонь, брали “на вырост”. Мама заботливо подшила подол и каждый год отпускала по два сантиметра. Рае надевала платье только на самые важные праздники, и каждый раз все расспрашивали родителей, где достали они своей дочке такую красоту.

Вслед за первым бирюзовым, Рае достала из шкафа шёлковое коралловое платье с кружевным накладным воротничком. Этим летом она видела такие воротнички у молоденьких девушек. Мода возвращается! Папа сдержал обещание: через пять лет он подарил ей это платье. Совсем взрослое, элегантное, с расшитым белым кружевом пояском. Мама в тот год совсем ослабла. Она лежала в комнате возле наряженной елки и любовалась на Раю: “Ты пока не надевай его никуда, впереди выпускной — будешь самой красивой!”.

А через три месяца первого апреля мамы не стало. На выпускной Рае, конечно, не пошла, да и в ближайшие полтора года не ходила ни на какие праздники. Настроения хватало лишь на вечернюю учёбу и работу днём в лаборатории института. Платье она надела только на втором курсе, на свадьбу брата. Зря надела: весь вечер хотелось убежать и вдоволь наплакаться, вспоминая тот последний мамин Новый год.

Вот и сейчас слёзы снова подступили, но теперь это были слёзы нежности и любви. Отболело. Рае неспешно вынимала свои сокровища: вот платье на окончание института. Бархатное, с коротким рукавом и широким поясом. Она тогда уже сама копила, откладывала с каждой получки. И когда на Новый год отец подарил шкатулку для украшений, и не подумала напоминать ему про “пятилетку”. Но к ее удивлению, после удачной зимней сессии отец принёс точно такой же, как десять лет назад, сверток:

— Раечка моя, самая умная! Вот держи, пусть хоть этот выпускной будет для тебя счастливым! Новая жизнь у тебя начинается! Трудовая, полноценная, радостная!

Отец, так искренне и полно умевший любить свою семью, страну, работу, всегда верил в достойную жизнь каждого трудящегося человека. Он успел уйти из жизни до того, как страна начала разваливаться, а трудящиеся люди перестали получать зарплаты. Он подарил ей четыре восхитительных платья. Конечно, покупали и другие, обычные, как у всех. Но раз в пять лет в гардеробе появлялась настоящая красота.

Последний папин подарок был перед Московской Олимпиадой. Рая раздобыла билет на лёгкую атлетику: выменяла у Людки из чертёжного отдела на джинсы. Тогда она уже устроилась после института на ювелирный завод. Джинсы, конечно, было жаль, тем более, что у Раи они были одни, а у Людки несколько пар! Людкин брат работал каким-то чиновником в Министерстве, и ему билетов на Олимпиаду дали целую кучу. Свою сестру, как ни просили родители, он к себе пристраивать не хотел (глуповатая она была и очень болтливая), но регулярно откупался дорогими подарками. Тогда на заводе Людка чего только не выменяла на эти билеты, а себе оставила на закрытие, о котором потом ещё несколько месяцев трещала в каждом перерыве.

Всё равно Рая была счастлива: её знакомые надеялись посмотреть Олимпиаду только по телевизору, и то, если с работы будут отпускать. Ей и завидовали, и наставляли, как завязать знакомство: в свои двадцать семь она всё ещё была не замужем. В марте папа подарил ей польское летнее платье: сверху белое в сиреневую мелкую клетку с непривычно глубоким декольте, а от пояса белое врзлет с сиреневой прострочкой на подоле. За столько лет Рая так и не смогла выведать, где и по чьему совету папа доставал ей такие модные и редкие наряды. На фоне девушек, неспешными потоками направлявшихся к стадиону, Рая заметно выделялась. На неё оборачивались, с интересом разглядывали, возможно, принимая за иностранку. И вот она сидит где-то на галёрке с армейским биноклем брата и разглядывает пёструю толпу зрителей: другие лица, иностранная речь, стойкий запах духов, инопланетного вида фотоаппараты. К ее удивлению, женщины из Западной Европы, обозначившие себя маленькими флажками Франции, Италии или Испании, в основном были одеты в тогда ещё не известные в Союзе платья-сафари, достаточно унылой расцветки, больше похожие на рабочую одежду. На стадион Рая смотрела редко: спорт её никогда особо не интересовал.

— Извините, что отвлекаю, но разве на трибунах тоже кто-то бежит? — высокий мужской голос донёсся откуда-то снизу. С переднего ряда на неё в упор смотрел смуглый молодой человек лет тридцати.

Рая покраснела, представив, как давно он на неё смотрит, а она водит биноклем по всей арене. Сколько её ни учили подружки, она совсем растерялась и не могла завязать беседу, только смущенно улыбнулась.

— Вот там, на девятой дорожке бежит мой друг. Ему нужна поддержка! — паренёк говорил с сильным акцентом, дополняющим его образ волшебного принца.

— А я как раз туда смотрю. Я с удовольствием за него поболею!

— Не получится! — рассмеялся паренёк, — там всего восемь дорожек! Это шутка!

Рая смутилась ещё больше.

— Меня зовут Марко! — паренёк, не обращая внимания на уставившихся на них соседей, продолжал кричать ещё громче. — По-моему бег — это очень скучно! А у вас в городе есть что-то интересное?

— Да, конечно. У нас очень красивый город! Много интересных мест и памятников архитектуры, — Рая говорила, как по учебнику. Она впервые общалась с иностранцем. В институте она видела индусов и африканцев, но ни разу к ним не подходила. Да это было совсем другое.

— А я в Москве в первый раз, бывал только в Ленинграде. Меня зовут Марко! По-вашему Марк!

— А меня Рая, — наконец поняла она его намёк.

— Рая? Как там? — он показал пальцем в небо, — очень красивое имя! Покажете мне город после бега?

Рая почувствовала, как залилась краской, опустила голову и только украдкой кивнула. Оставшиеся пару часов она сосредоточенно изучала всё про-

исходящие на стадионе, стараясь запомнить имена, дистанции и прочие детали, на всякий случай.

После соревнований Марко пригласил её в кафе рядом с ареной. Просторные залы, живая музыка, за столиками много иностранцев, и Рая вместе с другими счастливицами! Хорошо, что не пожалела джинсы!

— А откуда вы знаете русский?

— О, я несколько лет жил в России! Четыре года учился в русской школе! Даже плохие слова выучил! Мой папа — он инженер, помогал строить фабрику в Тольятти. Мы там жили, но недолго, там сложно было со школой. Потом уехали с мамой в Ленинград, а папа к нам приезжал на выходные. Он строил фабрику автомобилей, у вас её называют завод. Знаете у вас наши машины “Фиат”?

— Кажется, не слышала. У нас есть “Волга”, “Жигули”...

— Вот-вот, эти ваши “Жигули” — это наш “Фиат-124”!

— Правда? Странно, никогда бы не подумала.

— Его немного поменяли: у вас проходило много испытаний разных машин. И нужен был завод. Да, это была грандиозная стройка! Завод создавали с нуля, тогда все детали везли из других стран! Папа рассказывал очень много смешных историй!

Марко так активно жестикулировал, что случайно толкнул бутылку с “Пепси-колой”: она покачнулась и со звоном упала на столик. Карамельная пена побежала сотнями пузырьков по стеклянной поверхности и мелкими водопадами потекла прямо на Раю. Мгновенно отскочив, она всё-таки не смогла уберечь платье: бурое пятно на глазах разрасталось на белоснежном подоле.

— О, простите! Какой я неуклюжий! Я просто разволновался от вашей красоты!

— Не отстирается... — Рая почти готова была расплакаться.

— Не переживайте! Всё будет хорошо! Как я мог расстроить такую потрясающую девушку!

Рая слышала его комплименты, но они её только злили. Иностранец — это конечно редкость, но такое платье в Союзе — редкость не меньшая. Да и Марко уедет через несколько дней, оставив лишь приятные воспоминания, а платье — она успела его надеть только один раз, а рассчитывала блеснуть в нём ещё на стольких праздниках!

— Вы так расстроились из-за этого пятна? Я обязательно куплю вам новое платье! Хотите — прямо сейчас? Пойдёмте, в любой магазин!

— В любом такого не купишь...

— Тогда мы купим ещё лучше! Самое красивое!

Конечно же, Рая не повела Марко ни в какой магазин. Не только потому, что ей хотелось произвести впечатление человека воспитанного, но и потому что прекрасно знала: хорошее платье в магазине не купишь. А объяснить это иностранцу невозможно. Следующие несколько дней Марко старался компенсировать свою оплошность: дарил цветы, катал на теплоходике и водил в кафе. Всё было так красочно и легко. А потом пришло время прощаться. Они стояли в аэропорту, не зная, увидятся ли когда-то снова.

— Ты мне пожалуйста пиши! Давай не потеряемся. Приезжай ко мне на Рождество!

— Это немного сложно.

— Почему? Ты отмечаешь Рождество с родными?

— Нет, что ты, мы Рождество не отмечаем.

— Тогда что же? Лететь всего три часа до Рима, а там я тебя встречу и дальше на поезде!

— Сложно выехать. Для этого нужен повод.

— А я разве не повод? Это ты нашла повод отказаться. Я думал, нам с тобой хорошо?

— Марко, ты смешной! — она нежно держала его за руку, иногда боязливо озираясь. — Мне очень понравилось с тобой общаться. Нужен повод, чтобы разрешили выезд из страны. Ты же знаешь, у нас с этим сложно.

— Но у тебя очень важный повод: я должен купить тебе новое платье! Так им и скажи! — он широко улыбнулся и поцеловал её при всех.

В Италию она к нему так и не доехала, но их общение продолжилось в дружеской переписке. Пятно, кстати, не отстиралось, и на платье пришлось сделать кармашек. Сейчас Рая с улыбкой разглядывала эту “доработку”, а тогда жарким летом 80-го она в отчаянии обегала не один магазин тканей, чтобы найти лоскуток подходящего сиреневого цвета. Оно того стоило: платье до сих пор выглядело вполне свежо, а ведь она его носила несколько лет, бережно стирая детским мылом.

Марко сдержал обещание: он всё-таки подарил ей платье, пусть и через десять лет. Замечательное, наверное самое роскошное из тех, которые ей дарили. Марко приехал в девяностом. Тогда Рая уже решила отказаться от идеи с пятилетками: слишком сложно стало доставать вещи в перестройку. Страна ждала перемен, все были и истощены, и воодушевлены одновременно. Вот-вот должно было всё наладиться, и Рая решила просто подождать, когда страна наконец заживет свободно и богато, каждый день обсуждая эту будущую новую жизнь с коллегами в перерывах.

К тому времени Марко уже был разведён и по выходным воспитывал сына. В письмах они рассказывали друг другу обо всех жизненных поворотах, и когда Марко выпала возможность приехать в Россию, он за два месяца начал писать Рае о том, как они будут проводить время.

Они сидели в каком-то ужасно дорогом ресторане. Как и много лет назад, здесь тоже слышна была иностранная речь и хорошая музыка. Марко не столько постарел, сколько стал более мужественным. Он был наголо выбрит, но это ему удивительно шло, подчеркивало элегантность. Голос его стал ниже и мелодичнее, хоть на этот раз они больше молчали, нежели говорили. Вроде и так всё знали. Или, может быть, их жизни стали столь непохожими за эти десять лет... Рае казалось, что она выглядит и ощущает себя гораздо старше Марко. От этой мысли и странной роскоши, существовавшей в её же стране, но где-то в параллельном, закрытом для неё мире, она начинала стесняться и даже раздражаться.

— Я снова предлагаю тебе приехать в Италию. Ты хочешь?

— Марко! Ты такой импульсивный! Мне очень приятно, но такие вопросы нужно хорошо обдумать.

— Я много думал. Я предлагаю тебе приехать насовсем. Или хотя бы на месяц, чтобы присмотреться.

— К чему?

— Рая, мы можем с тобой жить вместе. Мы много знаем друг о друге: характер, хобби, особенности работы, любимые вещи. Совместная жизнь — это не страсть, как я теперь понял. Это — взаимопонимание. Я много думал, Рая. Мне кажется, мы очень хорошо друг друга понимаем, чувствуем. Я постоянно практикую русский: у нас в компании много ваших эмигрантов. Как видишь, мы легко общаемся.

— Марко, это, конечно, звучит заманчиво. Но что я там буду делать? Где я найду работу?

— Я достаточно зарабатываю. А в Италии женщина может не работать, и её не будут осуждать.

— Дело не в осуждении, а в том, чем я буду заниматься?

— Чем? Ты будешь заниматься домом, своим мужчиной. Ты наверняка хорошо готовишь. У меня много родственников и друзей, они будут приходить к нам в гости. Ты будешь заниматься собой. Как все женщины: ходить в парикмахерскую и на массаж, покупать фрукты на базаре, что-нибудь пить, гулять с собакой.

— У тебя появилась собака? — Рая машинально поддерживала ход его беседы, как будто и не воспринимая всерьез обрушившееся на нее предложение.

— Нет, но я бы хотел. Я сам часто бываю в разъездах, ты же знаешь. Очень хочется приезжать домой, где тебя ждут. Ты понимаешь?

— Понимаю. Я бы хотела английского дога... Это такие высокие с острыми ушами, знаешь?

— Нет, большого — это неудобно. Ему нужно много места и он слишком много ест.

— Да, ты прав... — Всё это звучало так странно, как будто с киноэкрана. Ещё несколько лет назад Рая фантазировала о том, как Марко предложит ей выйти замуж. Как в фильмах — встанет на колени и откроет маленькую бархатную коробочку. Но сейчас... Всё-таки они такие разные... — Я не знаю, Марко...

— Я тебя не тороплю. Просто приезжай сначала хотя бы на две недели. Если нужно — я куплю тебе билет. А потом, если ты захочешь остаться, ты сможешь оформить себе документы. У вас сейчас всё очень сложно, этим можно воспользоваться, чтобы получить убежище. Подумай, у нас есть время. Но всё-таки мне бы не хотелось затягивать, я устал жить один.

Целую неделю они ходили вечерами гулять, потом ехали на ночь к нему в гостиницу, скучный интерьер которой возмущал Марко. Рая стеснялась привести его к себе в ещё более скучно обставленную квартиру.

На прощание Марко вручил ей бордовую коробку с золотой лентой:

— Я хочу, чтобы ты прилетела ко мне в этом платье. В аэропорту все будут смотреть только на тебя...

Это платье Рая помнила хорошо, хотя не разу его не надела. Желтое с золотыми нитями, струящееся почти до самого пола. Платье даже пахло чем-то заграничным, сейчас уже и не вспомнить точно. Она его “съела”. Вскоре после отъезда Марко Раин завод вместе с лабораторией закрыли, а через пару месяцев сотрудники перестали строить иллюзии, что кто-то о них позаботится. Рая обнаружила, что её профессия новой стране не нужна. И образование тоже оказалось невостребованным. Стране нужны были продавцы, вышибалы, официанты, бандиты. Первые полгода получалось протянуть на сбережениях. А потом пришлось продать платье. Оно прокормило Раю ещё добрых три месяца, хотя и очень скромно. Но за это время удалось устроиться учителем в школу. Зарплата, конечно, мизерная, но хоть какая-то. Рая не очень понимала, как работать с детьми, переживала первое время. Но дети быстро к ней привыкли, а через год появились частные ученики.

Что же касается Марко... Во всей кутерьме и страхе девяностых, тот разговор превратился для Раи в какую-то добрую сказку. Очень старую, почти забытую. Марко напоминал о себе письмами и фотографиями. Но каждый раз, перечитывая их, всё сложнее ей было представить себя бесцельно расхаживающей по солнечным улицам или лежащей на диване в ожидании “своего мужчины”. О чем им говорить? Чем заниматься вечерами в его маленьком городке? Что делать целыми днями, когда он будет в командировке? Да и можно ли всю жизнь поменять теперь... Она откладывала и откладывала решение. Ведь он всё-таки слишком “чужой”, чтобы стать близким человеком. А Марко спустя пару лет снова женился, потом через четыре года развелся, всё также продолжая звать её в Италию, хоть и с меньшей настойчивостью.

О продаже золотого платья Рая не жалела: как будто и не для неё оно было — про какую-то другую жизнь. А о Марко намного лучше напоминало то самое, олимпийское. Рядом с ним в шкафу висели два самых невзрачных “экспоната”. Первый — подарок брата в восемьдесят пятом. После смерти отца он хотел продолжить традицию и привёз из Латвии что-то вроде сарафана. Со вкусом у брата было намного хуже, чем у папы, но сама забота очень трогала, и Рая подарок сохранила, надевая для простых выходов в магазин. Второе платье она купила сама в девяносто пятом. Денег заранее не накопила, потому и платье пришлось купить простое. Хотя для школьных праздников оно было в самый раз. После этого Рая решила обязательно откладывать с каждой зарплаты по чуть-чуть.

И вот в 2000-м Рая со старшими классами поехала в Чехию. Там девочки, конечно же, вывели у любимой учительницы про её коллекцию. Платье выбирали всей группой. Ученицы приносили ей в примерочную лучшие, а потом Рая, смущаясь от такого внимания, выходила к ним, как на подиум, и терпеливо слушала комментарии. Выбирали два дня, казалось, обошли все магазинчики Праги. Раю до слёз трогало такое внимание. Остановились на серебряном вечернем платье с рукавом три четверти. Пришлось разо-

риться и на туфли. Рая вздыхала, что и носить эту красоту некуда, на что девчонки шуточно обижались: а разве их выпускной не повод.

В школе слух о её традиции “платьев-пятилеток” быстро долетел до учительской. Да и наряд из Чехии пришлось показать. На выпускном вечере платье действительно смотрелось шикарно. “Рая Максимовна, да от вас глаз не оторвать!” — слышала она от многих. Тем теплее ей было, что эту вещь выбирали её ученики.

А спустя три года на её юбилей коллеги преподнесли сюрприз — платье в стиле индийского сари удивительного незабудкового цвета. На такое она сама бы не рискнула и посмотреть! Не по-возрасту оно казалось, да и какое-то сказочное. Даже сейчас она доставала его с особым трепетом, но вдрут на плече заметила зацепку.

— Э-эх! Это всё, небось, ты, старый скрипун! О твои петли, наверное, задела. Придется вправлять. Шёлк-то, вон какой, нежный, как бы следов не осталось.

Рая бережно отложила сари на кресло и потянулась к последней вешалке. На ней висело приятное сиреневое платье в мелкий серебристый цветок. Красивое. Но совсем “бессюжетное”. Рая смотрела на него и не могла вспомнить ничего примечательного, что сопровождало бы покупку или вообще тот 2010 год. Вроде бы и деньги отложены были, вроде и выбирала долго. А вот вспомнить нечего...

* * *

Шкаф был разобран и протёрт, петли смазаны, зацепка успешно спрятана. Рая принесла с кухни чайник, чашку и коробочку с безе, расставила на столике, села в мягкое кресло и включила телевизор. “Голубой огонёк” уже начался.

— Ну, вот и год прошёл. В понедельник магазины откроются, надо будет сходить примерить то кружевное с накидкой.